

Российская академия наук
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

«...ТВОИ ПИСЬМА —
ДОКУМЕНТ
НЕЗАБЫВАЕМОГО
ВРЕМЕНИ...»

Из эпистолярного наследия
Е. Э. Бломквист
1942—1945

Санкт-Петербург • 2013

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622
Т27

Рецензенты:

ст. н. с., канд. ист. н. *Е. С. Соболева* (Институт антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН), канд. пед. н. *Е. М. Колосова* (РГПУ им. А. И. Герцена),
вед. н. с. *А. Н. Анфертьева* (СПФ АРАН)

Утверждено к печати
Ученым советом Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

*Издание осуществлено по издательской программе
Санкт-Петербургского научного центра РАН 2013 г.*

Т 27 «...твои письма — документ незабываемого времени...» Из эпистолярного наследия Е. Э. Бломквист. 1942–1945 / Подг. текста, предисл., комм. Е. Н. Груздевой; СПФ АРАН. — СПб.: Реноме, 2013. — 390 с., [28] с. ил. — (Серия «Ad fontes: Материалы и исследования по истории науки». Supplementum 2).

ISBN 978-5-91918-344-0

Публикуемые письма из наследия ленинградского этнографа, сотрудника Института этнографии АН СССР Евгении Эдуардовны Бломквист (1890–1956) относятся к периоду Великой Отечественной войны (1942–1945). Эти документы имеют не только биографическую ценность, но представляют значительный интерес для истории отечественной гуманитарной науки — они содержат много дополнительной, а часто и вовсе новой информации из истории Академии наук, рассказывают о работе ленинградских академических учреждений (прежде всего Института этнографии), о жизни научной интеллигенции в период блокады и в условиях эвакуации. Несмотря на тяжелый исторический фон, письма полны человечности и оптимизма.

Издание предназначено не только для специалистов, но и для широкой аудитории.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-91918-344-0

© Е. Н. Груздева, подготовка текста, предисловие, комментарии, 2013
© Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, 2013
© Издательство «Реноме», 2013

Все твои письма храню как интереснейший документ незабываемого времени...

Из письма Н. П. Гринковой к Е. Э. Бломквист *

Предисловие

На сегодняшний день историография Великой Отечественной войны насчитывает сотни, если не тысячи, работ. Тем не менее каждое новое исследование подтверждает тезис о неисчерпаемости темы. И спустя почти семьдесят лет после завершения войны мы можем сказать, что многое еще осталось неизученным или вовсе неизвестным.

Настоящее издание тоже относится к военной историографии и примыкает к работам, посвященным истории Академии наук СССР и ее учреждений, работе и жизни ленинградской научной интеллигенции, трагическим и героическим судьбам ученых в условиях блокады и эвакуации. Изучение названных тем началось сразу же после завершения самих событий историками, пережившими и помнившими войну, привлекавшими многочисленные, прежде всего официальные, документы¹. Эта работа продолжается и сегодня.

В каждом академическом учреждении создается и собственная военная летопись. Много лет историей Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) РАН занимался А. М. Решетов. Ему принадлежат статьи и большие работы о сотрудниках Института этнографии в годы войны², судьбах тех, кто пострадал в годы репрессий³, о вкладе ученых-этнографов в науку⁴. Истории гуманитарных академических институтов в 1941–1945 годы были посвящены доклады участников юбилейной конференции, проходившей в ИЛИ РАН в 2005 г.⁵, статьи Н. И. Платоновой⁶ и

* ОР РНБ. Ф. 1159 (Бломквист). Д. 105. Л. 25об.

¹ Из работ по истории науки отметим, прежде всего, труды А. В. Кольцова. Например: *Кольцов А. В.* 1) Ученые Ленинграда в годы блокады. 1941–1943. М.; Л., 1962; 2) Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. СПб., 1997, и др.

² *Решетов А. М.* Отдание долга // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 40–62; № 3. С. 3–20; № 4. С. 3–24; № 6. С. 3–17; 1996. № 1. С. 3–14.

³ *Решетов А. М.* Репрессированная этнография: Люди и судьбы // Кунсткамера: Этнографические тетради. СПб., 1994. Вып. 4. С. 105–221; Вып. 5–6. С. 312–368.

⁴ Например: *Решетов А. М.* Материалы к библиографическому словарю российских этнографов и антропологов. XX век. СПб., 2012.

⁵ Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения: Материалы Всероссийской конференции, посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб., 2005. Особо отметим статьи *А. Н. Анфертьевой* «Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра АН СССР (ныне Институт лингвистических исследований РАН) во время войны и блокады» (С. 5–51), *А. М. Решетова* «Вспомним, чтобы не забывали. Ленинградские этнографы в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (С. 85–133) и *В. Н. Вологдиной* «Научная деятельность сотрудников Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого в годы войны и блокады» (С. 134–142).

⁶ *Платонова Н. И.* Институт истории материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Материалы конференции «Археология и социальный прогресс». М., 1991. Вып. I. С. 45–78.

С. И. Марахоновой⁷. История Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена в годы войны рассказывается в книге Т. Г. Фруменковой⁸.

Не ослабевает внимание к таким источникам, как дневники⁹, воспоминания¹⁰ и письма¹¹ военных лет. В одной из статей А. М. Решетов отметил: «Значение произведений эпистолярного жанра для науки исключительно возрастает в связи с разрабатываемой проблемой предмета и методов изучения “истории повседневности”. Если воспоминания нередко пишутся по прошествии некоторого времени после события под влиянием впечатлений прошедших лет и наступившей другой идеологии, то именно письма, написанные по конкретному случаю в разгар переживания рассматриваемых событий, в наибольшей степени отвечают задаче изучения “истории повседневности”»¹².

В настоящем издании публикуются письма этнографа, сотрудника Института этнографии АН СССР Евгении Эдуардовны Бломквист (1890–1956), написанные ею этнографу, диалектологу, но главным образом ближайшей подруге — Надежде Павловне Гринковой (1895–1961). Большая часть их военной переписки сохранилась и является неотъемлемой частью не только биографий авторов, но и истории страны в сложный переломный период.

* * *

Поскольку имя Евгении Эдуардовны Бломквист — ленинградского этнографа, специалиста в области славистики и американистики — мало известно широкой читательской аудитории¹³, то прежде чем говорить о ее эпистолярном наследии, следует рассказать об авторе, его личной и научной биографии.

⁷ Марахонова С. И. Институт востоковедения АН СССР в Ленинграде в годы войны и блокады (По архивным материалам) // Письменные памятники Востока. 2008. № 1(8). С. 21–36.

⁸ Фруменкова Т. Г. Мы вышли из блокадных дней: Герценовский университет в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб., 2005.

⁹ Например: Из блокадного дневника В. И. Ромишовского / Сост. и коммент. Т. П. Матвеевой // Изв. РГО. 1995. Т. 27. Вып. 2. С. 16–21; Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009; Шапорина Л. В. Дневник: В 2 т. М., 2012; по записям из дневников М. О. Штейнберга подготовлена статья: Гусейнова З. М. О. Штейнберг: первый год в Ташкенте // Opera musicologica. 2011. № 1(7). С. 24–39.

¹⁰ Например: Из истории Кунсткамеры. 1941–1945 / Ред. А. С. Мыльников / Сост., авт. вступ. ст. В. Н. Вологодина. СПб., 2003. — Воспоминания сотрудников МАЭ, переживших войну; Глинка В. М. Воспоминания, архивы, письма. Кн. 2. СПб., 2006 (в эрмитажной серии «Хранитель») или *Он же*. Воспоминания о блокаде. СПб., 2010.

¹¹ Например: Г. С. Виноградов в письмах ленинградских ученых (1941–1945 гг.) / Публ. О. А. Акулич // Краеведческие записки / Иркут. обл. краев. музей. Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2006. Вып. 13; «Мы знаем, что значит война...» Воспоминания, письма, дневники универсантов военных лет / Сост. Т. Н. Жуковская, И. Л. Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010; Ананьев В. Г. Письма К. Н. Сербиной А. И. Андрееву военного времени как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXXI. СПб., 2010. С. 456–476.

¹² Решетов А. М. Письма как этнографический источник // Этнографический источник: Материалы третьих Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2004. С. 65.

¹³ О Е. Э. Бломквист было опубликовано несколько статей: Евгения Эдуардовна Бломквист // Советская этнография. 1956. № 4. С. 170–173; Станюкович Т. В. Евгения Эдуардовна Бломквист — исследователь восточнославянской этнографии // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 78–84; Сагнаева С. К. «Уральская» тема в научном наследии Е. Э. Бломквист // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 84–90.

Евгения Эдуардовна Бломквист родилась в 1890 году. В метрической книге церкви лейб-гвардии Измайловского полка в Санкт-Петербурге (в части первой) о родившихся женского пола под № 417 записана Евгения — дочь Карла Эдуарда Бломквиста, лютеранского исповедания, и законной его жены Юлии Александровны (урожденной Мешковой), православного исповедания, родившаяся в ноябре месяце восьмого числа и крещеная в декабре месяце второго числа¹⁴.

Мать умерла, когда девочке было едва больше года¹⁵. Отец, обрусевший швед — Карл Иванович, выходец из города Фридрихсгама Выборгской губернии (ныне финский город Хамина), работал счетоводом. После смерти жены он переехал в Воронеж и там женился вторично на Адели Николаевне Досс, заменившей Женю мать. Один за другим родились мальчики Коля (в 1896 г.) и Юра (в 1898 г.). Женя пошла в частную женскую гимназию Гоголь-Яновской. Однако старший сын Бломквистов умер в 1902 году. Это событие нарушило размеренную жизнь. Адель Николаевна, тяжело переживавшая потерю, часто болела, ей требовались уход, помощь в домашних делах, и тогда вместе с Бломквистами поселилась ее сестра, Эмилия Николаевна. Карл Иванович получил работу бухгалтера в Обществе Китайско-Восточной железной дороги. Семья в 1903 году переехала в Петербург, но ее глава должен был ехать к месту назначения на Дальний Восток — в Управление морского пароходства Общества КВЖД в городе Дальнем на Ляодунском полуострове, рядом с крепостью Порт-Артур. Адель Николаевна чувствовала себя все хуже, ее пришлось поместить в лечебницу¹⁶. Было решено, что Женю, которой исполнилось уже 13 лет, отец возьмет с собой, а пятилетний Юра останется с теткой.

Карл Иванович и Женя выехали из Петербурга 19 сентября 1903 года. Для девочки это было первое длительное путешествие: их путь лежал через Рязск, Сызрань, Самару, Челябинск, Барабинскую степь, Иркутск, через Байкал, Маньчжурию и занял более двух недель. В Дальнем, как оказалось, не было женских гимназий, и отец нанял для Жени домашнюю учительницу. Планировалось через год устроить девочку в пансион во Владивостоке.

В 1904 году Бломквисты оказались в центре событий Русско-японской войны. С началом военных действий и высадкой японцев на Ляодунском полуострове жители Дальнего укрылись за стенами укрепленного Порт-Артура. Карл Иванович был сразу мобилизован: «согласно приказа коменданта крепости Порт-Артур от 14 мая 1904 г. № 374... был зачислен в четвертую (4-ю) Квантунскую дружину, в которой и нес службу до 16 ноября 1904 г., а затем по приказанию начальника укрепленного района был назначен на службу в полевой сводный госпиталь, где и состоял по день капитуляции Артура»¹⁷.

В начале 1905 года российским служащим было разрешено покинуть город и возвращаться в Россию. Бломквисты выехали в Шанхай, откуда можно было добраться через Порт-Саид в Россию. Но получилось иначе: покинули Шанхай 19 марта на английском пассажирском пароходе и прошли вдоль японских берегов (Нагасаки, Коба, Йокогама), потом через Северную Америку и Атлантику — в Лондон¹⁸.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 1159 (Бломквист). Д. 2. Л. 1 — свидетельство о рождении Е. Э. Бломквист. В официальных документах (автобиографиях, анкетах) в разные годы она указывала местом рождения то Ленинград (Петербург), то Выборг. В ее первой трудовой книжке, выданной в 1920 г., местом рождения указан город Выборг (ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 13. Л. 2). Здесь и далее ссылки на фонд Е. Э. Бломквист в ОР РНБ даются без указания фондообразователя.

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 321. Л. 1 — свидетельство о предсмертном исповедании и причащении Ю. А. Бломквист, состоявшемся 4 декабря 1891 г.

¹⁶ А. Н. Бломквист (Досс) умерла в лечебнице в декабре 1903 г.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 290. Л. 1 — удостоверение от 21 сентября 1905 г.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 313. Л. 1–Зоб. — письмо (незаконченное) К. И. Бломквист с борта парохода (начато 24.03.1905).

После возвращения в Россию в апреле 1905 года Карл Иванович оставил Женю у родственников в Казани, а сам поехал в Петербург устраиваться.

Уладив дела со службой и сняв квартиру на Таврической улице (д. 27, кв. 5), К. И. Бломквист забрал детей к себе. Женя была зачислена в Гимназию принцессы Евгении Ольденбургской, которую успешно закончила в 1909 году с правом на золотую медаль. Она решила продолжить образование в Женском педагогическом институте на естественном отделении физико-математического факультета¹⁹.

В институте в те годы, когда училась Е. Э. Бломквист, преподавали известные специалисты-естественники, такие как ботаники В. И. Палладин и В. Г. Траншель, зоологи В. А. Догель, В. Т. Шевяков, В. Д. Зеленский, химики В. Н. Верховский, С. И. Созонов, В. Н. Ипатьев, геолог В. Н. Леман, географы Ю. М. Шокальский и А. П. Нечаев, этнограф и антрополог А. Л. Яценко. Евгения Эдуардовна много лет спустя отмечала, что лекции А. Л. Яценко по этнографии оставили у нее одно из самых ярких впечатлений институтского периода²⁰. Однако в годы учебы она отдавала предпочтение естественным наукам.

Во время летних каникул в институте для слушательниц устраивались поездки с учебной целью по России и за границу. Летом 1912 года Евгения Бломквист в составе группы из 13 слушательниц-биологов участвовала в экскурсии в Крым с целью «ознакомления с геологическим строением Крымских гор, с сухопутными и морскими животными, ныне живущими и ископаемыми»²¹. Девушки побывали в Симферополе, Бахчисарае, на Севастопольской биологической станции, у Байдарских ворот, в Алушке, Ялте, немного занимались драгировкой морской фауны.

Полученные сведения о морской фауне были дополнены в 1913 году на Мурманской биологической станции в Кольском заливе. Преподаватели В. Д. Зеленский и В. А. Догель организовали поездку группы педагогичек вместе со студентами университета, отправлявшимися на Мурман на практику²². В число одиннадцати слушательниц-естественниц входила и Е. Бломквист. Каждой участнице работ вменялось в обязанность, выбрав объект северной морской фауны, определить его, изучить, зарисовать внешний вид, вскрыть и ознакомиться со строением его внутренних органов²³.

После окончания занятий на Мурманской станции девушки отправились по экскурсионному маршруту в Печенгу для осмотра старинного Трифоно-Печенгского монастыря и в Соловецкий монастырь. Там познакомились с монастырским хозяйством, посетили отдаленные скиты, поднялись на северную гору Голгофу и самую высокую точку Большого Соловецкого острова — Секирную гору²⁴.

Серьезность увлечения Евгении Бломквист естественнонаучными дисциплинами подтверждала и ее итоговая работа на тему «Исследование продуктов переваривания белковых веществ под влиянием желудочного сока»²⁵, выполненная под руководством физиолога Ф. Е. Тура; девушка подготовила ее к окончанию институт-

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3067. Л. 4 — прошение Евгении Карловны Бломквист от 13 мая 1909 г. о зачислении ее в число слушательниц Женского педагогического института.

²⁰ См.: Кабо В. Александр Яценко: К 100-летию путешествия в Австралию. [Электронный ресурс.] — Режим доступа: aboriginals.narod.ru/iashchenko.htm

²¹ Музей РГПУ им. А. И. Герцена. А-83. — Экскурсия студенток-биологов СПб Женского педагогического института в Крым в 1912 г. под руководством преподавателя палеонтологии В. Н. Лемана (альбом фотографий).

²² Музей РГПУ им. А. И. Герцена. М/365. А-4. Экскурсия слушательниц Женского педагогического института на Мурман под руководством проф. В. А. Догеля (с 28 мая по 27 июня 1913 года) (альбом фотографий).

²³ Музей РГПУ им. А. И. Герцена. Г-12. Герке Ек. Д. Экскурсия слушательниц Женского педагогического института на Мурман в 1913 году. Л. 8–9.

²⁴ Там же. Л. 12–17.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 3. Д. 3 — работа Е. Бломквист.

ского курса в 1914 году. Вскоре она получила диплом, предоставлявший ей право преподавания естествоведения и географии в средней школе²⁶.

Год 1914-й оказался для Евгении Эдуардовны значимым сразу в нескольких отношениях: она окончила институт, начала самостоятельно работать, летом отец снял новую квартиру на Плуталовой улице (дом 6, квартира 19)²⁷, в которой прошла вся ее дальнейшая жизнь, и в том же году началась война. В июне-июле в составе студенческой группы Е. Э. Бломквист совершала экскурсионную поездку по Германии и Швейцарии — Берлин, Нюрнберг, Базель, Берн, Цюрих, Энгадин²⁸, любовалась горно-озерным краем. Девушки успели вернуться домой буквально за несколько дней до объявления Германией войны.

В семье Бломквистов, как и везде, много говорили о текущих событиях, обсуждали положение на фронтах. В сентябре Юра писал товарищу: «У нас в Петрограде в сущности нет жизни, отдельной от войны, все интересы, все стремления наши... направлены к... войскам... Настроение повышенное: толкуют газетные известия, раздобывают разные сенсационные слухи, встречают раненых, собирают пожертвования... Ходы войск прослеживаешь по картам...»²⁹ Энергия Евгении Эдуардовны, ее патриотические чувства и желание приносить пользу армии нашли выход в том, что она стала шить белье для солдат. По словам брата, «Женя учительствует, а в свободное время шьет и кроит белье для отправки на передовые позиции... Работа подобная идет почти во всех семьях — открыты приемные пункты»³⁰, а зимой Юра отмечал, что «Женя большую часть времени проводит за вязанием рукавиц, шитьем рубашек и кальсон»³¹. Но этой домашней деятельности ей оказалось мало, и когда в Женском педагогическом институте открылся лазарет для раненых солдат, обслуживавшийся силами сотрудников, главным образом, слушательниц института, Евгения Эдуардовна стала одной из добровольных помощниц в аптеке лазарета³². Там состоялось ее знакомство со студенткой-словесницей Надеждой Гринковой, работавшей медсестрой в перевязочной и операционной, положившее начало их многолетней дружбе.

С осени 1914 года Евгения Эдуардовна вела уроки по географии и геологии в женских гимназиях — министерской (№ 11) и частной гимназии А. Ф. Мушниковой. Нагрузка была небольшая, приходилось искать дополнительных занятий, соглашаться на частные уроки, вечерние курсы. Особенно нестабильной ситуация с заработком

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 3067. Л. 1–2 — диплом (черновик) Е. Э. Бломквист. Любопытно, что первоначально имя выпускницы было записано как «Евгения Карловна Бломквист», но затем отчество зачеркнуто и исправлено на «Эдуардовна». Возможно, выбор «менее немецкой» части из двойного имени отца (Карл Эдуард) объясняется антинемецкими настроениями 1914 года. Уверенного объяснения этому факту нет, но в дальнейшем во всех документах Евгении Бломквист будет значиться именно отчество «Эдуардовна», хотя младший брат всю жизнь носил имя Георгий *Карлович* Бломквист (а в аттестате зрелости после окончания гимназии в 1916 г. он записан как Георгий Карлович Эдуардович Бломквист). — ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. Д. 334. Л. 9.

²⁷ К. И. Бломквист так описывал новое жилье: «...в каменном доме в 5 этажей... есть лифт, с двумя ходами, один на улицу, со швейцаром, 4 комнаты, ванна и умывальник, две уборных, вся на улицу и солнечную сторону... 65 рублей с дровами, дворником и полотером (мансарда), свету много». — ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 70. Л. 8.

²⁸ Архив РГПУ им. А. И. Герцена. Личные дела ППС института Покровского. Д. 187 (Бломквист Е. Э.). Л. 3 — личный листок по учету кадров; Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 7. Д. 2. Л. 10 — личный листок по учету кадров Е. Э. Бломквист.

²⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 103. Оп. 1. Д. 27. Л. 17 — письмо Г. К. Бломквиста от 17.09.13.

³⁰ Там же. Л. 17об–18.

³¹ Там же. Л. 19об.

³² Сообщено В. А. Колобаевым. Запись беседы от 7.X.2011.

стала в смутном 1917 году. Евгения Эдуардовна писала брату в ноябре: «Я взяла еще уроков, так что у меня выходит что-то около 40 часов в неделю, если не больше, не знаю, справлюсь ли. Пока еще ничего, только времени уже абсолютно не остается — занята днем и вечером», а через два месяца: «У меня работы меньше, хотя я взяла еще у Оболенской три класса, но зато отказалась от вечерней школы на Гребцкой (одна из важных причин отказа моего — надоело ночью по сугробам ноги ломать в абсолютной темноте), а в вечерней школе на углу Архиерейской и Большого отказалась от уроков природоведения и оставила себе только географию, так что только 4 часа вечером занята»³³.

Окунувшись в педагогическую профессию, девушка, по-видимому, не почувствовала полного удовлетворения — она как будто что-то искала. В годы войны и революционных событий определить, чем хотелось бы заниматься, было непросто. В 1916 году поступила на Стебутовские курсы³⁴, но не успела закончить даже второй курс — учреждение было закрыто. В самом начале 1917 года думала специализироваться в сельском хозяйстве, но затруднялась с выбором — ботаника или зоотехния (отец, с которым она советовалась, отдавал предпочтение ботанике, «так как свиноводство и скотоводство и так процветают, разве что породы надо улучшать»³⁵). Весной Женя ходила на практические занятия по сельскому хозяйству, а все лето 1917 года состояла дружинницей женской сельхоздружины от Всероссийского Земского союза в имении Боково под Псковом, где «исполняла полевые и огородные работы» для фронта³⁶.

Карл Иванович Бломквист, который был далек от политики, с удивлением наблюдал растущую политическую активность дочери: все свободное от занятий время Женя «по лекциям и митингам бегаёт, совсем не ожидал, что она такой яркой политиканкой может стать. Попадает нам и Ивану Юльевичу (друг и сослуживец К. И. Бломквиста. — Е. Г.) от нее здорово, прямо ретроградами какими-то стали, не может же только вполне определиться, к кому пристать, к социал-революционерам, социал-демократам или трудовикам, про кадетов равнодушно слышать не может... Сегодня справляем международный праздник 18 апреля/1 мая... Женя с 8 утра удрала принять участие в шествиях... <Вечером> с митингов вернулась без ног, умаялась, наслушалась большевиков и начинает сама склоняться в их сторону»³⁷. В письмах брату Евгения Эдуардовна сообщала последние сведения о настроениях в столице: «Надо надеяться, что все это окончательно, что не удастся сторонникам старого режима внести смуту в пока единодушное движение... Газеты еще не выходят, а с автомобилей по приказанию Временного правительства разбрасываются листовки с главнейшими событиями — сейчас узнали, что в Берлине третий день революция, вроде нашей по силе своей, если это верно, то надо ожидать конца этой ужасной бойни народов. Царь с царицей арестованы, министры тоже — сама видела у Думы как провозили некоторых из них и полицию. Все эти дни прямо точно праздник, праздник свободы! Страшно боимся, не было бы раскола между Думой и Советами рабочих депутатов — на то похоже. Агитация идет страшная»³⁸. Опасения Карла Ивановича, что дочь примет сторону большевиков, быстро развеялись. Уже в середине мая он отмечал, что Женя «правеет». Осенью, вернувшись в Петроград после сельхозработ, девушка попала в новый, незнакомый город, а осмотревшись, сделала свои выводы и отвернулась от политики. Брату в ноябре 1917 года лаконично сооб-

³³ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 32. Л. 19, 22 — письма Е. Э. Бломквист брату.

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 450. Оп. 1. Д. 312 — личное дело Е. Бломквист, слушательницы Стебутовских высших сельскохозяйственных курсов.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 307. Л. 31об — письмо К. И. Бломквиста к сыну.

³⁶ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 10. Л. 1 — удостоверение о работе в с/х дружине.

³⁷ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 307. Л. 40–42об — письмо К. И. Бломквиста к сыну.

³⁸ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 32. Л. 13–13об — письмо Е. Э. Бломквист брату (б/д).

шала: «О событиях не пишу — не могу, сердце разрывается, да вы из газет знаете о наших петроградских порядках новых. Да и у вас, поди, не лучше»³⁹.

Осень 1917 года для нее была заполнена уроками, занятиями английским языком, которые Евгения Эдуардовна начала брать по секрету от отца, и «музыкальными вечерами». Ольга Ивановна Вер, подруга Жени, вспоминала: «...осень 1917 г. помню хорошо — ужасно странная она была. Кругом все бурлило, ломалось. Теперь-то видно, что и создавалось. Тогда не видно было. Я с Женей около двух месяцев вели фантастический образ жизни. Нормальный уклад был сбит — уже ушла прислуга Бломквистов, питались в каких-то “домашних” обедах, но и они кончались. <...> Уже очень ощущалась “утечка” нормальных продуктов и появление каких-то небывалых: масло-какао, на котором мы варили шоколадные конфеты. <...> Прованское масло — не жидкое, а из бочек, как засахаренный мед. <...> В филиале Гвардейского экономического общества на теперешней площади Льва Толстого продавался в больших количествах изюм и миндаль. Мы с Женей покупали по фунту того и другого. Женя засаживалась за пианино и часами “запузыривала” все свои любимые вещи, либо, готовя урок (она занималась с Волковым, вскоре умершим от разрухи и голода), либо просто так. А я скрючивалась на ее диванчике и читала. <...> В ушах приятно текла Женина музыка <...>, в квартире — тишина, холодно и нереально»⁴⁰.

Той осенью Бломквисты приняли важное для себя решение о гражданстве. Дети, как и отец, считались финляндскими подданными, т. е. иностранными гражданами для России. Теперь, когда Финляндия Советом народных комиссаров и Швецией была признана независимой республикой, надо было самоопределяться. Карл Иванович писал Юре: «Мы с Женей решили, что бы Россию ни ждало, решили остаться русскими, вот к какому штату себя причислить, не знаем, должно быть, станем великороссиянами»⁴¹. Однако до официального перехода в российское гражданство прошло еще два года: только в марте 1920 года К. И. Бломквист подал в Иностраннный отдел Управления Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов прошение о принятии его в подданство Российской Федеративной Советской Республики⁴². Его дети в начале 1920-х годов тоже еще получали регулярно вид на жительство как иностранцы⁴³.

В 1918 году Женя продолжала искать свое место и свое дело, которым хотела бы заниматься. Педагогическая работа ее удовлетворяла все меньше. В письмах отцу Женя все чаще жаловалась, что дело в школе у нее не клеится, на уроках дети скучают и ничем не интересуются, а ей все это противно⁴⁴. Но другой постоянной работы пока не было. Евгения Эдуардовна была человеком активным, открытым всему новому, неизведанному, не лишенным и некоторой доли авантюризма. Ей не сиделось на месте, если можно было куда-то поехать, что-то узнавать, делать. Так, летом она то ездила на Байкал, то хотела поехать в Башкирию на почвенные исследования («дают участок, лошадь с телегой, надо объезжать свой участок и вынимать образцы почвы»⁴⁵), а если оставаться дома, то работать в Ботаническом саду или в какой-нибудь огородной артели.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 32. Л. 19 — письмо Е. Э. Бломквист брату.

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 1091 (П. А. Герман). Д. 181. Л. 61–63 — воспоминания О. И. Вер.

⁴¹ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 307. Л. 82об — письмо К. И. Бломквиста к сыну.

⁴² ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 300. Л. 1 — прошение К. И. Бломквиста от 02.03.1920 г.

⁴³ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 13. Л. 3об. — трудовая книжка Е. Э. Бломквист, выданная на основании «вида на жительство иностранца от 26 февраля 1920 г. № 15809»; Юрий Бломквист предоставлял вид на жительство иностранного гражданина в университет в 1923 г. — ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. Д. 334. Л. 1.

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 70. Л. 84об — письмо К. И. Бломквиста дочери.

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 32. Л. 27 — письмо Е. Э. Бломквист брату.

Неуемная энергия, интерес ко всему окружающему, желание участвовать в общественной жизни способствовали тому, что Евгения Эдуардовна стала активным участником развернувшегося в первые послереволюционные годы музейно-экскурсионного движения. Первый опыт девушка приобретала в походах и поездках со школьниками: «Я сейчас мотаюсь здорово, ибо почти каждый день езжу с ребятами в экскурсии — ты не можешь представить себе, какая экскурсионная охватила Петроград — все трамваи и поезда переполнены детьми, в город и за город — все цвета и возрасты. Ничего в общем, только ботинки окончательно не желают держаться на моих конечностях. Сегодня — недалеко, на острова поедем, ботанико-зоологическая, с экскурсионной станции»⁴⁶. Водила Евгения Эдуардовна своих учениц на экскурсии и в Этнографический музей при Академии наук (Кунсткамеру)⁴⁷. А с мая 1919 года она устроилась в этот музей на работу в экскурсионную секцию, где в течение двух лет участвовала в разработке эпизодических и цикловых экскурсионных программ и сама водила экскурсии «для групп различного типа — школьных, внешкольных и повышенного типа»⁴⁸.

В 1919 году Е. Э. Бломквист решила продолжить образование, снова сев на институтскую скамью. Причем подала заявления о приеме на учебу сразу в два вуза — в *alma mater*, бывший Женский педагогический институт, который с 1918 года именовался I Высший педагогический⁴⁹, и в Географический институт. Вскоре после начала занятий пришлось сделать выбор: одновременно осваивать две институтские программы, да еще и работать было не по силам, и она выбрала Географический институт.

Это было молодое учебное заведение, созданное в 1918 году; с первых лет в нем преподавали видные ученые: А. Е. Ферсман, Л. С. Берг, В. Э. Ден, Ю. М. Шюкальский, Я. С. Эдельштейн и др. Институт имел два отделения: собственно географическое и этнографическое, на котором впервые в России стали готовить профессиональных этнографов. Возглавил его Л. Я. Штернберг, он пригласил на должность профессора известного специалиста В. Г. Богораза, который был очень любим студентами. Лекции по доисторической археологии читал В. М. Лемешевский, курс по антропологии — Д. А. Золотарев.

Е. Э. Бломквист стала одной из студенток нового отделения. Там она снова встретила с Н. П. Гринковой, которая читала будущим этнографам курс диалектологии. Однако Надежда Павловна, считавшая необходимым расширить собственный научный кругозор, наравне со студентами и вместе с Евгенией Эдуардовной в 1921–1923 годах посещала общие и специальные курсы по этнографии и антропологии⁵⁰. Впоследствии она отмечала, что прослушанные лекции оказались очень полезны и обеспечили прочную научную базу для ее этнографической работы.

Участие студентов в этнографических экспедициях предполагалось уже с первых курсов учебы. В 1921 году Е. Э. Бломквист собиралась поехать в Олонецкую

⁴⁶ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 307. Л. 107–107об — письмо Е. Э. Бломквист брату.

⁴⁷ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 36. Л. 115, 117 — экскурсионный журнал МАЭ за 1899–1921 гг.

⁴⁸ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 38. Л. 40об. — анкета Е. Э. Бломквист. В первые послереволюционные годы музеи принимали очень большое число посетителей, в числе которых, кроме учащихся различных учебных заведений, были группы рабочих с производств, раненые из госпиталей, солдаты и матросы, слушатели школы низшего комсостава и проч. См.: СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918). Д. 36 — Экскурсионный журнал МАЭ за 1899–1921 гг.

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф. 918. Оп. 1. Д. 5675. Л. 109 — Журнал регистрации слушателей института за 1919 г. Е. Э. Бломквист записалась на романо-германское отделение историко-филологического факультета — совершенно новую для себя область.

⁵⁰ Архив РГПУ им. А. И. Герцена. Личные дела ППС, уволенные в 1918–1966 гг. Д. 458 (Гринкова Н. П.). Л. 53 — автобиография Н. П. Гринковой от 11.05.1950.

экспедицию (от Гидрологического института) в Сегозерский район Карелии. Подготовкой этнографического отдела руководил Д. А. Золотарев, специалист по угро-финнам, под влиянием которого девушка начала заниматься финским языком. Однако принять участие в этой поездке Евгении Эдуардовне не довелось — резко ухудшилось здоровье отца, за которым ей пришлось ухаживать. Карл Иванович умер на руках дочери 2 июля 1921 года.

Тем же летом Е. Э. Бломквист была избрана на должность научного сотрудника I разряда по I отделению Этнографического отдела Русского музея (в это отделение входила этнография русских и финнов). Представлял кандидата на заседании Совета Этнографического отдела Д. А. Золотарев, подчеркивавший ее научную подготовку, знания и практический опыт по экскурсионному делу⁵¹. Вопрос был решен положительно⁵², и с 15 июля 1921 года Евгения Эдуардовна стала сотрудником Русского музея⁵³.

Посвятив первый год знакомству с коллекциями Русского музея, составлению библиографии литературы по этнологии и фольклору Русского Севера, она готовилась к экспедиционной собирательской работе. В июле-августе 1922 года небольшой отряд во главе с Д. А. Золотаревым работал в составе Верхне-Волжской экспедиции Академии истории материальной культуры (АИМК) в Тверской и Рыбинской губерниях⁵⁴. Оттуда Евгения Эдуардовна писала брату: «Пока поездкой очень довольна, этнографического материала много, ведем самый фантастический образ жизни... прямо страничка из Майн Рида... мокнем, мерзнем, жаримся, по ночам спим у костра или блаженствуем на сеновалах, купаемся и “отдыхаем”, как говорит Давид Алексеевич, вовсю»; «Мы здесь заканчиваем работу, почти все, что нужно для с/х выставки достали (главным образом серию местных костюмов)»⁵⁵. В августе работа продолжалась на реке Сити. Из опорного пункта в селе Покровское этнографы «делали набег на окрестные деревни». «Я исключительно занимаюсь рисованием, — писала Евгения Эдуардовна, — последние дни достала шаблоны и рисунки у одного плотника и вот уже два дня с утра до вечера сижу дома... срисовываю и копирую... — очень интересный материал, для меня особенно (это довольно запутанная резьба деревянная двух-трех последних десятилетий, которой здесь покрыты все постройки)...»⁵⁶ Эти зарисовки положили начало занятиям Е. Э. Бломквист по изучению и описанию крестьянских построек, верность этой теме она сохраняла всю жизнь.

Весной 1923 года Евгения Эдуардовна закончила Географический институт и получила диплом⁵⁷, а летом продолжила собирательскую работу на Мологе (в экспедиции АИМК) и в Среднем Поволжье⁵⁸. Она отмечала: «Очень интересна в Среднем Поволжье жизнь маленьких республик — Чувашской, Черемисской, Татарской... Бродим по татарскому кварталу и упиваемся живой этнографией»⁵⁹.

⁵¹ Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 7. Л. 52 — характеристика Е. Э. Бломквист, поданная Д. А. Золотаревым 15.06.1921 в Совет Этнографического отдела.

⁵² ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 38. Л. 2 — выписка из протокола заседания Совета Этнографического отдела от 30 июня 1921 г.

⁵³ Там же. Л. 1 — приказ № 282 от 04.08.21 о зачислении на должность с 15 июля 1921 г.

⁵⁴ Там же. Л. 10 — выписка из протокола заседания Этнографического отдела Русского музея от 6 июля 1922 г.

⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 32. Л. 39об, 41об. — письма с Мологи от 23 и 28 июля 1922 г.

⁵⁶ Там же. Л. 43–44 — письмо брату от 22.08.1922.

⁵⁷ Архив МАЭ. Ф. К-I. Оп. 7. Д. 2. Л. 50 — копия диплома.

⁵⁸ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 38. Л. 19, 21 — удостоверения о командировках Е. Э. Бломквист в Ярославскую, Казанскую, Самарскую и Саратовскую губернии.

⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 32. Л. 54–54об. — письмо брату от 13.08.1923.

Лето 1924 года было заполнено поездками в Крым, Ростов, Ярославскую, Калужскую, Брянскую губернии⁶⁰. В Ростове Евгения Эдуардовна работала вместе с пятью сотрудниками местного Музея древностей — обследовали глухие уголки Угодичской (Приозерной) и Карашской волостей⁶¹. Экспедиции в Калужскую и Брянскую губернии осуществлялись по поручению Этнографического отдела Русского музея для сбора музейного материала и изучения крестьянских построек. Зимы были заполнены разбором и описанием привезенного летом этнографического материала, организацией временных и передвижных выставок, тематических экспозиций, знакомством с работами коллег из других этномузеев.

В Этнографическом отделе Русского музея в 1920-е годы сложился коллектив, в котором работали Д. А. Золотарев, С. И. Руденко, Е. Э. Бломквист, Н. П. Гринкова, З. П. Малиновская, Л. Л. Капица, М. А. Фриде и др. Они тесно общались с коллегами из ГАИМК и МАЭ, часто вместе работали в экспедициях. Самый старший и опытный специалист Давид Алексеевич Золотарев с удовлетворением отмечал: «За три года можно с некоторым удовлетворением сказать спасибо всем работникам совместной работы и порадоваться, что в процессе работы спаялась группа лиц, способных и умеющих дружно и хорошо вести дело, неизменно двигаясь вперед, несмотря на порой неблагоприятные условия»⁶². Молодежь, казалось, не знала усталости и была неистощима на всевозможные выдумки. «В ту пору царили “коллективы” (в довольно хорошем значении этого слова), все сотрудники были неразлучны и на работе и дома, вечно кто-то к кому-то приходил, куда-то они ездили, устраивали этнографические вечера с подлинными “печатными” пряниками и “жаворонками” различных местностей. Помню, как Женя устроила в одной из витрин “антирелигиозную” елку (тогда они были запрещены) и все бегали в музей “на елку”. У них было весело, сумбурно, хаотично и влюбленно, хотя средний возраст был далеко за тридцать, и очень “трудоово”. Не совсем сытые, не совсем одетые, без обеспечения даже нормальных средств передвижения — они разлетались стайками по всему Союзу собирать драгоценный “быт” и делали это не для выполнения плана. Тогда еще верили, что наука ломается для созидания...»⁶³

Для пропаганды знаний использовали не только традиционные способы: проводили экскурсии, организовывали выставки, читали лекции, готовили брошюры и путеводители⁶⁴, но и старались придумать что-то новое. Так в Русском музее появились кружок «Друзья музея», рабочий университет, «Этнографические вечера» — публичные лекции с элементами театра, проводившиеся в Мраморном зале Этнографического отдела. Во всех этих начинаниях участвовала и Евгения Эдуардовна.

Помимо основной работы в Русском музее она с 1921 по 1926 год читала в Коммунистическом университете им. Зиновьева лекции по истории развития общественных форм, истории России, экономической географии и биологии, вела экскурсии в музеях города (Музее антропологии и этнографии, Этнографическом отделе Русского музея, Сельскохозяйственном музее, Палеонтологическом и Зоологическом

⁶⁰ ВА ГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 10. Д. 38. Л. 26, 29 — удостоверения о командировках Е. Э. Бломквист.

⁶¹ О произведенных работах Е. Э. Бломквист делала доклады в местных научных обществах Рыбинска и Ростова, в заседаниях I отделения ЭО РМ и в открытых заседаниях Академии наук. Ее статьи «Аграрная магия в Ростовском уезде» и «Крестьянская свадьба в Ростовском уезде» были посланы для печати в Ростов и хранились в архиве Ростовского музея. — ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 1. Л. 1об., 11об. — curriculum vitae Е. Э. Бломквист.

⁶² ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 127. Л. 3–3об. — письмо Д. А. Золотарева жене от 25.05.24.

⁶³ ОР РНБ. Ф. 1091 (П. А. Герман). Д. 181. Л. 86об.–87 — воспоминания О. И. Вер.

⁶⁴ Например, краткий путеводитель по северно-великорусскому району Этнографического отдела (Л., 1926), листовки «Набивание холста» (Л., 1926), «Полотенце в русском быту» (Л., 1926); совместно с Д. А. Золотаревым — путеводитель «Западные финны» (Л., 1927).

музеях АН)⁶⁵. В 1924–1927 годах в составе Центральной экскурсионной базы Ленинградского Губполитпросвета (потом ЛенгорОНО) была председателем этнографической секции руководителей экскурсий, а затем методистом по этнографии⁶⁶. Ее хорошо знали в кругу научных и музейных работников города как серьезного грамотного специалиста, приглашали к научному сотрудничеству. В начале 1925 года Ю. М. Шокальский от имени Русского географического общества уведомил ее, что «Русское географическое общество, желая пользоваться просвещенным участием Вашим в трудах своих, избрало Вас, милостивая государыня, своим Действительным членом»⁶⁷. Методическое руководство и практические советы Е. Э. Бломквист при организации этнографического отдела в Ростовском музее высоко ценились коллегами-ростовчанами⁶⁸.

В марте 1925 года умер брат Евгении Эдуардовны, Юрий⁶⁹ — ее единственный близкий родственник, с которым они были очень дружны. Юра в посвященном Жене стихотворении называл ее: «сестренка, близкая, как мать»⁷⁰. После этой утраты самым близким человеком для Е. Э. Бломквист стала Надежда Павловна Гринкова.

Их давнее знакомство за годы совместной работы в Русском музее переросло в крепкую дружбу. Они были очень разные, но прекрасно дополняли друг друга, вместе им было комфортно, интересно. Если приходилось расставаться, то обе ощущали рядом пустоту, которую старались заполнить частыми письмами, где рефреном звучало: «Скучаю без Вас, в Музее без Вас пусто... Приезжайте скорей!», «Знаешь, я, пожалуй, одна больше не поеду (в Москву. — *Е. Г.*), так как как-то одиноко и нудно бродить по городу одной»⁷¹ и т. п. Зато в совместных поездках они не замечали ни трудностей, ни неудобств. «Интересный народ, эти люди, но право, иной раз с наслаждением бежишь от них, надоедают до черта, — признавалась Евгения Эдуардовна одной из своих подруг. — К счастью, еще мы с Надеждой Павловной живем душа в душу»⁷². Вдвоем они с энтузиазмом осваивали новые места, много шутили. В 1924 году Евгения Эдуардовна рассказывала об их жизни в Крыму: «...проехали в Алупку, где прожили четверо суток. До среды вчерашней жили во дворце, чудно провели время вдвоем, много гуляли и хохотали без конца, ибо изображали Робинзонов в модном курорте, ибо взяли денег в обрез, столоваться не могли и питались “устрицами”, т. е. сырыми яйцами (во дворце сварить негде...), огурцами и черешнями... В Алупке было чудно, там великолепный парк, дивная растительность, цветут магнолии, олеандры и гранатовые деревья... так что мы очень довольны, что там побывали, хотя бы и в качестве знатных иностранцев с пустым карманом. Нас выручил Н. М. Каринский, наш профессор из Педагогического института, который живет в санатории Дома ученых в Кореизе... он дал нам червонец...»⁷³

Ежегодные летние этнографические экспедиции по районам Центральной России совершались с целью изучения быта и занятий коренного населения. Круг тем исследования был весьма широк: жилище, одежда, пища, средства передвижения, занятия и промыслы, бытовой уклад, обычаи, обряды и верования, язык,

⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 1. Л. 1 — curriculum vitae Е. Э. Бломквист.

⁶⁶ Там же. Л. 11 — curriculum vitae Е. Э. Бломквист.

⁶⁷ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 25.

⁶⁸ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 11. Л. 8 — приглашение от Ростовского музея для участия в открытии этнографического отдела от 24.04.1926.

⁶⁹ О нем см.: Георгий Бломквист. Витающий Петроград. Стихи 1921 года / Подг. текста и предисл. М. Д. Эльзона. СПб., 1996.

⁷⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 103. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

⁷¹ Музей РГПУ им. А. И. Герцена. Фонд Н. П. Гринковой. III-О/2123–2125. Листы не пронумерованы — письма Н. П. Гринковой к Е. Э. Бломквист за 1922–1936 гг.

⁷² ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 34. Л. 9 — письмо к О. И. Вер от 22.08.<22>.

⁷³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 103. Оп. 1. Д. 28. Л. 35–36 — письмо к брату от 26.06.<1924>.

фольклор⁷⁴. Особой научной темой для Евгении Эдуардовны были крестьянские постройки, которым она уделяла много внимания во время экспедиций 1923–1927 годов в Ярославскую, Тверскую, Калужскую и Воронежскую области и в последующие годы. Материала накопилось много, и она неоднократно к нему обращалась вплоть до 1950-х годов⁷⁵, считая эту тему одной из центральных в своей научной работе.

Летом 1927 года вместо привычного маршрута по центрально-русским провинциям Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова отправились в составе Казахской экспедиции АН в район реки Бухтармы в Семипалатинской губернии. Целью поездки было обследование быта русской народности (составлявшей около 20% населения Казахской Республики). Основной массой русского населения в Бухтарминском районе были старообрядцы (кержаки), пришедшие туда еще в XVIII веке. Территориальная изолированность в горных долинах, экономическая самодостаточность, сохранение религиозных традиций привели к тому, что за 200 лет кержаки сохранили архаические черты культуры и быта, уже исчезнувшие на основной территории расселения русского народа. Экспедиция оказалась очень удачной. Собранный материал лег в основу монографии «Бухтарминские старообрядцы»⁷⁶, которую Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова готовили более двух лет.

Из всех поездок Евгения Эдуардовна возвращалась в квартиру на Плуталовой улице, где после смерти брата жила с теткой (сестрой мачехи) и подругой Ольгой Ивановной Вер. Эта дружба зародилась еще в детстве — отец Ольги был другом Карла Ивановича Бломквиста, после его смерти девушка стала жить у Бломквистов. По воспоминаниям О. И. Вер, их совместный дом был «очень странный, с архаикой. В столовой висела лампа с белым фарфоровым абажуром, переделанная из керосинкальной в 1917 году в электрическую самородком Васей из соседней квартиры. <...> Стол раздвижной. Вставь две доски — и по столовой не пройти. Стулья венские, гнутые, с плетеными сиденьями, из воронежской бломквистовской гостиной. Сиденья уже продранные нашими коленками — привычка стоять на коленях при чтении, так как в нашей квартире всегда дуло по полу. Одно то же венское кресло <...> Стояло пианино <...> Кук и кукушка в стенных часах умиляли и взрослых и детей: в двенадцать часов они куковали четыре четверти и двенадцать часов — итого шестнадцать раз, в сопровождении звончайшего боя. Мы хорошо спали под кукушку и просыпались, только если часы останавливались. <...> На всех окнах были цветы (в Жениных масштабах, т. е. в неисчислимых количествах) и не было занавес»⁷⁷.

В начале 1930-х годов над Русским музеем стали сгущаться тучи. В 1930 году арестованы Д. А. Золотарев (по обвинению в «финском фашизме» осужден на 3 года) и С. И. Руденко (по «Академическому делу» получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей). В музее внутренняя обстановка становилась все тяжелее: часто менялось руководство, столкновение разных взглядов на искусство в Художественном отделе и разные подходы к освещению быта народов СССР в Этнографическом отделе приобретали конфликтный характер. Зимой 1932/33 года в музее прошла так

⁷⁴ См.: Архив РЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 105, 115, 135, 179, 234 — отчеты о научных экспедициях с участием Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринковой в 1920-е гг.

⁷⁵ Например: Постройки Мологского уезда // Верхневолжская этнологическая экспедиция. Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926. С. 59–106; Крестьянское жилище Калужской губернии // Материалы по этнографии / Этнографическое отделение ГРМ. Т. III. Вып. 2. Л., 1927. С. 1–16; Материалы по истории жилища придонских районов Воронежской области // Советская этнография. 1934. № 5. С. 48–71; Общие черты в крестьянском жилище русских и украинцев // Советская этнография. 1954. № 4. С. 25; Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 131–134 и др.

⁷⁶ Бломквист Е. Э., Гринкова Н. П. Бухтарминские старообрядцы. Л.: Изд. АН СССР, 1930.

⁷⁷ ОР РНБ. Ф. 1091 (П. А. Герман). Д. 181. Л. 85об.–86об.

называемая «чистка» государственного аппарата, которую Е. Э. Бломквист прошла с «благоприятным результатом»⁷⁸, но которая повлекла увольнение ряда сотрудников. Исполдволь разворачивалось «Дело славистов»⁷⁹, в результате которого многие коллеги оказались арестованы⁸⁰ по обвинению в причастности к «националистической фашистской организации», в том, что «вели широкую националистическую фашистскую пропаганду панславистского характера, широко используя в этих целях легальные возможности научной и музейной работы»⁸¹. Этнографическое отделение было реформировано, а в 1934 году произошло его выделение из состава Русского музея в самостоятельный Государственный музей этнографии. Но работать в новом музее после идеологического «разгрома» и увольнения многих специалистов-этнографов стало для Евгении Эдуардовны невозможно. Она решила перейти в академический Институт антропологии и этнографии и переключиться со славянской этнографии на американскую. Еще в годы учебы в Географическом институте она работала с экспонатами Отдела Северной Америки МАЭ по культуре эскимосов, водила по залам музея экскурсии; обращалась к этим материалам и в последующие годы, читая лекции на «Этнографических вечерах» в Русском музее. Свой интерес к североамериканским индейцам Е. Э. Бломквист, шутя, объясняла воспоминаниями о давнем плавании с отцом вдоль берегов Канады⁸².

С 1 марта 1935 года Евгения Эдуардовна была зачислена научным сотрудником I разряда в отдел Северной Америки Института антропологии и этнографии АН СССР⁸³. Она сразу включилась в музейную и экскурсионную работу: разобрала и систематизировала коллекцию экспонатов отдела, подготовила «Путеводитель по отделу Северной Америки» (1935), участвовала в разработке научных планов основной экспозиции, подготовке временных выставок различных групп североамериканских индейцев, составляла к ним подробный этикетаж. Темой научной работы Евгении Эдуардовны стало изучение этнографии племени ирокезов, и она взялась за перевод с английского языка капитального труда Л. Г. Моргана «Союз ирокезов» (или «Лига ирокезов»)⁸⁴. Президиум АН на заседании 25 октября 1935 года утвердил Е. Э. Бломквист в степени кандидата исторических наук (по этнографии) без защиты диссертации⁸⁵. В конце 1930-х годов Институт этнографии начал готовить большое многотомное издание по этнографии народов мира. Один том предполагалось посвятить Америке. Евгения Эдуардовна готовила для него вводную статью и ряд статей по коренным народам Северной Америки — ирокезы, тлинкиты, алгонкины.

Начавшаяся война смешала все планы. После первых месяцев эвакуации и неразберихи постепенно жизнь в городе более-менее упорядочилась. Учреждения работали, оставшиеся сотрудники обеспечивали дежурства в зданиях, следили за

⁷⁸ Архив РГПУ им. А. И. Герцена. Личные дела ППС института Покровского. Д. 187 (Бломквист Е. Э.). Л. 5об. — личный листок по учету кадров Е. Э. Бломквист от 01.07.34.

⁷⁹ См. подробнее: *Ашинин Ф. Д., Алтатов В. М.* «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

⁸⁰ В 1933–34 гг. подверглись арестам и были осуждены хорошо знакомые Е. Э. Бломквист научные сотрудники ленинградских учреждений: Д. А. Золотарев (повторно), Г. А. Бонч-Осмоловский, Б. Г. Крыжановский, М. А. Фриде, А. М. Колаковская и др. Вскоре оставили этнографию и ее бывшие коллеги по угро-финской группе Л. Л. Капица и З. П. Малиновская.

⁸¹ Просим освободить из тюремного заключения (письма в защиту репрессированных) / Сост. Г. Гончаров, В. Нехотин. М., 1998. С. 181.

⁸² Сообщено В. А. Колобаевым. Запись беседы от 7.X.2011.

⁸³ Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 7. Д. 2. Л. 5 — выписка из приказа № 16 по л/с ИАЭ от 03.03.35.

⁸⁴ Перевод Е. Э. Бломквист закончила в 1939 г. Но опубликована книга была гораздо позже — см. далее, сноска 109.

⁸⁵ Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 7. Д. 2. Л. 7 — выписка из приказа № 163 по л/с ИАЭ от 13.11.35.

сохранностью имущества. Осенью 1941 года в МАЭ закончили свертывание экспозиций и упаковку экспонатов в ящики, искали место для их хранения в условиях частой бомбежки города. Инициативу проявили сотрудники музея А. А. Попов, М. В. Степанова и Е. Э. Бломквист, обратившись к директору Эрмитажа И. А. Орбели. В результате наиболее ценные коллекции были переданы для размещения в хранилища Эрмитажа, а остальные опущены в подвалы МАЭ⁸⁶. В те же подвалы перебрались жить и многие из сотрудников, остававшихся в городе, — вместе жить казалось легче, сэкономились время и силы на дорогу, да и здание было всегда под присмотром.

Постепенно учились обходиться без бытовых удобств — тепла, воды. Труднее всего было справляться с голодом и болезнями. В квартире Бломквистов на Плуталовой улице жили 5 человек: сама Евгения Эдуардовна, О. И. Вер и их общая знакомая О. Н. Смелова с двумя взрослыми детьми. В коммуналке выживать было легче, так как домашние заботы (добыча дров, воды, отоваривание продуктовых карточек) делились между всеми, еду готовили в одном котле. За общим столом даже шутили. В марте 1942 года Е. Э. Бломквист писала эвакуированной Н. П. Гринковой: «Мы сейчас увлекаемся студнями из столярного клея, здорово насобачились варить их — с лавровым листом, перцем и горчицей получается, как хороший мясной студень. Особенно эстетическое наслаждение испытывали, когда удалось достать высший сорт — клей, употребляющийся, как говорят, для склеивания музыкальных инструментов — роялей, пианино и проч. Не то студень ешь, не то впускаешь в себя симфонию Бетховена»⁸⁷.

Квартира, находившаяся в пятом, мансардном, этаже, всегда была холодной. «Большинство людей неизменно удивляются: “Что вы держитесь за этот чердак?” — вспоминала О. И. Вер. — Скошенные потолки, мало мебели помещается. Из-за этих же скатов она холодная (это скаты крыши). Отсюда же и “текучесть”. Но мы, и созвучные нам чудачки, восклицаящие “как у вас уютно”, пренебрегаем этими мелочами. Важно то, что, по нашим понятиям, у нас было “как в Латинском квартале” — мансарды, а следовательно, богема, а следовательно, и романтика. Окна у нас большие, без переплетов... солнце почти весь день — окна на юго-запад. Направо — бесподобные закаты. И Врубель, и Рерих... Можно смотреть, мечтать и грустить — сколько влезет. На окнах никогда не было занавесок... Мы говорили: “Из окна у нас виден урбанистический пейзаж” — и очень любили этот пейзаж. В нем много грусти. Очень вдали виден купол Исаакия. Мы его видели блестящим, матовым и опять блестящим. Если очень высунуться из окна и круто посмотреть влево, то видна игла Петропавловской крепости. <...> Направо... острова, оттуда тянет свежестью и морем. Оттуда же дуют западные ветры, нагоняющие зимой оттепели: тогда нашу квартиру не натопить. Частенько мы принимали облик “французов в 12-м году”, как всегда говорила Женя, наворачивая на себя одежду на одежду и закутывая голову старыми шарфами»⁸⁸. Зимой 1941/42 года жизнь в квартире сосредоточилась в двух комнатах, которые отапливались печкой-«буржуйкой».

Невзирая на все трудности жизни под обстрелами в условиях блокады, на значительное сокращение числа научных работников (кто-то уехал в эвакуацию, многие из оставшихся не пережили страшную зиму или оказались в больницах), Институт этнографии продолжал работать. Первое время главной задачей были упаковка для сохранности всех экспонатов из витрин и запасников музея, фондов библиотеки, заклеивание окон, обеспечение затемнения, организация бомбоубежища и дежурств на

⁸⁶ См.: *Попов А. А. О действительных героях и мнимых // Из истории Кунсткамеры, 1941–1945 / Ред. А. С. Мыльников; Сост., авт. вступ. ст. В. Н. Вологодина. СПб.: МАЭ РАН, 2003. С. 20.*

⁸⁷ См. в настоящем издании письмо от 15.03.1942.

⁸⁸ ОР РНБ. Ф. 1091 (П. А. Герман). Д. 181. Л. 58–60.

крыше здания во время обстрелов⁸⁹. Когда жизнь вошла в определенную колею, то снова заговорили о научной работе, о новых планах. Перед Е. Э. Бломквист и ее коллегами по отделу Америки открывались интересные перспективы в связи с начавшейся подготовкой к 450-летней годовщине открытия Америки. «Наш план по Институту — публикация наших ценных коллекций по бывшей русской Америке и ряд статей в связи с этим», — сообщала Евгения Эдуардовна Н. П. Гринковой. С 1 мая 1942 года Е. Э. Бломквист была назначена заведующей отделом Америки⁹⁰, который с начала войны объединял прежние два отдела — Северной Америки и Центральной и Южной Америки. Новые научные планы не только увлекли, но и помогали переключить внимание, хоть на время забыть о блокадных буднях. «Мечта моей жизни сейчас, — признавалась Евгения Эдуардовна, — это одно застекленное окно в моей комнате, а то матрас в одном и ватное одеяло в другом мало поощряют мои научные перспективы»⁹¹.

Однако эти перспективы остались не реализованы: летом 1942 года было принято решение об эвакуации академических институтов из Ленинграда и Е. Э. Бломквист включена в список сотрудников, отъезжающих вместе с ИЭ в Казань⁹². Из Казани часть «академиков» проследовала дальше. Этнографам и другим гуманитариям пунктом назначения был определен Ташкент. На последних участках дороги, когда поезд шел по Барабинским степям, где-то между Омском и Новосибирском, Евгения Эдуардовна отмечала: «...Вот я и еду опять по тому же сибирскому великому пути, по которому ехала с папой ровно 39 лет тому назад и с Надей — 15 лет»⁹³.

В Ташкент прибыли в начале ноября. После устройства на новом месте вернулись к научной работе — составили планы, распределили задачи, темы. Отсутствие привычных материалов, музейных коллекций, книг многих приводило в отчаяние. Отчасти выручали коллеги, делясь своими знаниями, что-то удалось найти в местных библиотеках. С учетом ситуации был определен и план научной работы, который ориентировался на изучение вопросов среднеазиатских истории, археологии и языков.

Евгения Эдуардовна все чаще мыслями возвращалась к русской этнографии. Этому способствовали и сводки о положении на фронтах, которые она всегда внимательно слушала. «Вспоминала ли ты меня, когда слышала сводки, с месяц тому назад, о наших продвижениях на Калужском фронте? Помнишь — Тихонова пустынь, Сухиничи?»⁹⁴ — спрашивала она Н. П. Гринкову. А зимой 1943 года следила за событиями на воронежских землях: «Сейчас как раз наши отбивают у немцев те места, где мы с Надей работали: за вчера-сегодня заняты Репьевка, Коротояк, Острогожск (в Репьевке мы даже фотографировали дома и улицы); теперь жду Землянска и Нижнедевицка — в этих уездах работали тоже, все знакомые места, привычные названия»⁹⁵. Она хотела вернуться к прежней теме, поднять сохранившиеся записи. «Теперь, когда немцы поразорили всю западную часть Воронежской области, эти материалы представляют огромную научную ценность, там ведь обмеры, планы, разрезы, зарисовки построек сельских за три экспедиции — 1925, 1926 и 1927 гг., одна статья вчерне к печати подготовленная — как кончится война, сейчас же это с руками

⁸⁹ См.: Записи и материалы о работе Института этнографии в дни войны и блокады (1941–1945), собранные Р. И. Каплан-Ингелем. — СПФ АРАН. Р. IV. Оп. 6. Д. 134.

⁹⁰ Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 7. Д. 2. Л. 17 — из приказа № 47 по ИАЭ от 07.05.42.

⁹¹ См. в настоящем издании письмо от 08.04.1942.

⁹² Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 7. Д. 2. Л. 18 — выписка из приказа № 75 по ИАЭ от 12.07.42.

⁹³ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 35. Л. 10об. — письмо к О. И. Вер от 21.X.1942.

⁹⁴ См. в настоящем издании письмо от 14.02.1942.

⁹⁵ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 59. Л. 11 — письмо О. Н. Смеловой от 21.01.1943.

оторвут печатать — сейчас в Москве работает Комиссия по учету разрушений памятников старины и искусства германской армией, там работают сотрудники родственного (по специальности) нам Института истории материальной культуры... в эту Комиссию мои материалы — прямо клад; да и сами по себе они очень ценны»⁹⁶. После недолгих колебаний решение было принято: «Я думаю закрыть Америку, да здравствуют воронежские домики!»⁹⁷

Это ее решение быстро стало известно коллегам не только в Ташкенте, но и в Ленинграде и получило полярные отклики. Так, историк А. И. Андреев сердечно приветствовал ««бывшего американиста», дорогую Евгению Эдуардовну» и желал успеха на новом пути «в отношении отечественной этнографии»⁹⁸, а В. В. Антропова с горечью писала из Ленинграда: «Привет Вам от всех Ваших коллекций, манекенов, фотографий и иллюстраций. Все они упрекают Вас в самой черной измене. Подумайте, предпочесть индейцам старожилое население, это совсем непростительно. Уверена, что после приезда Вас будет судить родовой суд, а может быть, и племенной. И как Марья Васильевна (Степанова. — Е. Г.) перенесет эту измену?»⁹⁹

Собственные размышления о современном положении русской этнографии и беседы с коллегами-историками подвели Евгению Эдуардовну к мысли о необходимости ее возрождения и создания для этого особого учреждения — Института национальной русской культуры. Е. Э. Бломквист старалась оформить эту мысль, найти союзников. «В голове у меня завелись идеи»¹⁰⁰, — шутя говорила она о своем замысле, однако к делу подошла серьезно, обсуждала детали с историком и археологом М. А. Тихановой, составила развернутый план, который получил одобрение и поддержку у академика Б. А. Грекова. В очень кратком изложении проект состоял в следующем: организовать ««Институт национальной русской культуры», входящий в систему институтов Академии; цель: изучение и показ национальной культуры русского (великорусского) народа, доведенной до интернациональной культуры городского населения; слагается из трех секторов: историко-археологический, этнографический и народного искусства. При Институте создается Центральный музей русской культуры, отражающий работу всех трех секторов; базой для Музея являются коллекции основных музеев страны»¹⁰¹.

Когда в Ташкент приехал новый директор Института этнографии С. П. Толстов, он, знакомясь с коллективом, сообщил, что по идее Е. Э. Бломквист «ничего пока не будет, отдельный институт он считает нецелесообразным (он ведь теперь секретарь Отделения общественных наук АН, при Волгине), но будет всемерно усиливать отдел Европы; что надо усиливать работу по русским — конечно, согласен»¹⁰². С. П. Толстов одобрил ее возврат к русской этнографии и сделал встречное предложение: использовать пребывание в Средней Азии для изучения русского старообрядческого населения в устье Амударьи в Каракалпакии. Старожилами в этом районе являлись оренбургские казаки, высланные в 70-е годы XIX века из Уральско-го казачьего войска, так называемые «уральцы», сохранившие многие самобытные старообрядческие традиции и почти совершенно неизученные. Поездка к «уральцам» могла стать логичным продолжением бухтарминской экспедиции по линии описания культуры и быта локальных славянских групп, обитающих в иноязычном и инокультурном окружении. Мысль о подобной поездке захватила Евгению Эдуардовну, и она

⁹⁶ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 59. Л. 10об–11 — письмо О. Н. Смеловой от 21.01.1943.

⁹⁷ См. в настоящем издании письмо от 10.02.1943.

⁹⁸ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 59. Л. 1об. — открытка А. И. Андреева от 22.09.1943.

⁹⁹ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 61. Л. 3 — письмо В. В. Антроповой от 01.07.1943.

¹⁰⁰ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 35. Л. 33об. — письмо О. И. Вер от 11.02.1943.

¹⁰¹ См. в настоящем издании письмо от 30.01.1943.

¹⁰² См. в настоящем издании письмо от 02.05.1943.

начала знакомиться со всеми имеющимися документами об «уральцах» в ташкентских архивах, проштудировала книги и журнальные статьи в библиотеке. Поскольку в среде «уральцев» использовались два языка — русский и особый диалект узбекского — взялась за узбекский язык.

Когда все приготовления остались позади, Евгения Эдуардовна выехала в экспедицию, где окунулась в жизнь «уральцев» и не была разочарована в своих ожиданиях. «Собираюсь удивить мир тремя кирпичами — или так: трехкирпичной монографией по “уральцам”... — признавалась она по возвращении. — Старообрядческий мир в 20-м столетии, да еще в наши дни. Каково?»¹⁰³

Доклад Е. Э. Бломквист по результатам поездки к «уральцам»¹⁰⁴ был признан коллегами очень интересным, а сама работа весьма перспективной, и Евгения Эдуардовна была включена в состав Хорезмской экспедиции АН СССР летом 1945 года как начальник второго (этнографического) отряда по изучению русского населения (со студентами МГУ)¹⁰⁵ и смогла пополнить свои полевые материалы. Однако большей монографии по ним так и не написала¹⁰⁶.

Весной 1945 года сотрудники Института этнографии вернулись из эвакуации и с 17 мая приступили к работе по месту основной службы. Поскольку Евгения Эдуардовна в тот период была «одним из немногих специалистов в СССР по этнографии туземного населения Северной Америки»¹⁰⁷, прекрасно знала американские коллекции Музея антропологии и этнографии, она оставалась деятельным сотрудником американского отдела, была вовлечена во все его музейные и научные проекты. Под ее руководством была подготовлена и в 1947 году открыта новая экспозиция, посвященная коренному населению Северной Америки. Е. Э. Бломквист участвовала в возобновившейся подготовке издания «Народы мира», где один том должен был быть «американским»¹⁰⁸, готовила к изданию свой перевод книги Л. Г. Моргана¹⁰⁹, писала статьи об индейских племенах для 1-го издания Большой советской энциклопедии. Одним из направлений научной работы Института было освещение роли российских ученых в изучении мировой этнографии. Как историограф науки Е. Э. Бломквист опубликовала коллекцию североамериканских рисунков путешественника

¹⁰³ См. в настоящем издании письмо от 26.02.1944.

¹⁰⁴ Архив МАЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 94. Л. 1–34 — текст доклада Е. Э. Бломквист «Итоги экспедиционных работ среди “уральцев” (русского населения низовьев Амударьи)».

¹⁰⁵ ОР РНБ. Ф. 1159. Д. 1. Л. 17 — curriculum vitae Е. Э. Бломквист [1949 г.].

¹⁰⁶ В печати появились лишь две статьи Е. Э. Бломквист: «Этнографическая работа среди уральцев» (Краткие сообщения Института этнографии. М.; Л., 1947. Вып. 3. С. 49–54) и изданная уже после ее смерти «К вопросу о двуязычии и тюркских заимствованиях в языке “уральцев” Амударьинского оазиса» (Сборник МАЭ. Л., 1972. Т. XXVIII. С. 265–302). Подробнее см.: Сагнаева С. К. «Уральская» тема в научном наследии Е. Э. Бломквист // Этнографическое обозрение. 1992. № 4 (июль-август). С. 84–90.

¹⁰⁷ Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 7. Д. 2. Л. 23 — характеристика Е. Э. Бломквист.

¹⁰⁸ Для этого тома Е. Э. Бломквист были написаны статьи «Лингвистическая классификация коренного населения Северной Америки», «Канадские эскимосы», «Индейцы Канады и Лабрадора», «“Белое” население Канады», «Индейцы северо-восточных районов США (ирокезы и алгонкины)» и вводная статья к полутому «Северная Америка». Некоторые из этих статей вошли в сборник «Индейцы Америки» (Труды Института этнографии. Новая серия. Т. XXV. М., 1955).

¹⁰⁹ Перевод 1939 года был снова отредактирован, написаны сопроводительные статьи «Л. Г. Морган и его “Союз ирокезов” в свете современной этнографии» и «Современные ирокезы». Но издание книги в 50-е годы так и не было осуществлено, вышли лишь статьи «Дискриминация ирокезов в США» (Советская этнография. 1951. № 2. С. 115–139) и «Союз ирокезов» (Вокруг света. 1951. № 4. С. 30–35). Книга вышла лишь в 1983 г.: Морган Л. Г. Лига Ходеносауни, или ирокезов / Пер. Е. Э. Бломквист; послесл. и прим. Н. Б. Тер-Акопяна. М.: Наука, 1983.

И. Г. Вознесенского¹¹⁰ и приняла участие в переиздании «Пешеходной описи» Л. А. Загоскина, описывающей его путешествие по Аляске¹¹¹.

Вместе с тем Евгения Эдуардовна не отказалась от возвращения к русской этнографии, к «воронежским домикам». Параллельно с работой в секторе Северной Америки она в 1945 году возглавила ленинградскую группу славяно-русского сектора Института этнографии. Под ее руководством осуществлялась подготовка раздела «Жилище» для историко-этнографического атласа «Русские» — большой работы Института этнографии. Были изучены музейные и архивные материалы, печатные труды, разработаны специальные учетные бланки, куда заносились данные по объектам. В этнографически слабо исследованные районы славяно-русских поселений снаряжались специальные экспедиции, получавшие точные задания и инструкции. Итогом многолетней работы группы Е. Э. Бломквист стали вошедшие в атлас 17 карт по жилищу, его традициям и эволюции в течение последних ста лет¹¹². Статья же, подготовленная Евгенией Эдуардовной и посвященная крестьянскому жилищу, была дополнена и издана уже после ее смерти¹¹³.

Собственные исследования, начатые еще в 1920-е годы, Евгения Эдуардовна продолжила, подготовив капитальную монографию «Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов», объединившую весь накопленный богатейший архивный и литературный материал по этнографии, истории, экономике и археологии¹¹⁴.

Не оставила Е. Э. Бломквист и педагогическую работу. Ее преподавательская биография, начавшаяся в гимназиях в 1914 году, в 30-е годы продолжалась в аудиториях университета¹¹⁵, где она читала курс по общему народоведению вплоть до начала войны и эвакуации университета. В 40–50-е годы Евгения Эдуардовна руководила работой аспирантов, помогала войти в профессию молодым специалистам. При этом она всегда щедро делилась своими знаниями с коллегами. Один из них — этнограф из Казани Е. П. Бусыгин — вспоминал: «В многочисленных письмах, которые мне прислала Евгения Эдуардовна, имелось много методических советов, пожеланий. “Все надо подробно, — писала она, — по взаимовлияниям с татарской культурой. Больше зарисовок, обмеров, местной терминологии. Берите материал как можно шире. Думайте не только о себе, но чтобы ваши данные могли бы быть использованы другими исследователями”»¹¹⁶.

¹¹⁰ Бломквист Е. Э. Рисунки И. Г. Вознесенского // Сборник МАЭ. М.; Л., 1951. Т. XIII. С. 230–303.

¹¹¹ Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. / Общ. ред., примеч. и коммент. М. Б. Черненко, Г. А. Агранат, Е. Э. Бломквист. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1956.

¹¹² Русские: Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (сер. XIX — нач. XX в.) / Под ред. В. А. Александрова и др. М., 1967 (Приложение — карты в кол-ве 75 шт.).

¹¹³ Бломквист Е. Э., Ганцкая О. А. Типы русского крестьянского жилища сер. XIX — нач. XX в. // Русские: Историко-этнографический атлас... С. 131–165.

¹¹⁴ Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник / Труды Института этнографии. Т. XXXI. М., 1956. Об этой работе подробнее см.: Станюкович Т. В. Евгения Эдуардовна Бломквист — исследователь восточнославянской этнографии // Этнографическое обозрение. 1992. № 4. С. 78–84.

¹¹⁵ По воспоминаниям этнографа К. В. Чистова, учившегося в университете в 1930-е гг., фольклорист М. К. Азадовский как-то сказал: «Кто хочет учиться у меня... тот должен ходить на лекции к Дмитрию Константиновичу Зеленину, к Евгении Эдуардовне Бломквист, ну а к И. Н. Винникову — смотрите сами, кто захочет». См.: Тишков В. А. Этнография — наука подробная: Интервью с К. В. Чистовым // В. А. Тишков. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб., 2008. С. 82.

¹¹⁶ Тишков В. А. Полвека полевой этнографии: Интервью с Е. П. Бусыгиным // В. А. Тишков. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб., 2008. С. 77.

Уход Евгении Эдуардовны из жизни стал для всех неожиданным. Летом она отдыхала на коллективной академической даче в Комарово под Ленинградом, строила планы. Как-то пошла в лес погулять, наклонилась за ягодами и упала — инсульт. Успела только сказать: «Я как Валентин Александрович»¹¹⁷. Скончалась Е. Э. Бломквист 27 июля 1956 года.

* * *

Рукописное наследие Е. Э. Бломквист сосредоточено главным образом в двух фондах — в Архиве МАЭ и в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки; это личные документы, полевые записи разных лет, статьи, деловые и частные письма¹¹⁸. Но многие письма оставались у ее корреспондентов¹¹⁹.

Из эпистолярного наследия Е. Э. Бломквист для настоящего издания отображены письма к Н. П. Гринковой. Оригиналы писем отложились в Музее РГПУ им. А. И. Герцена в личном фонде Н. П. Гринковой. В большинстве случаев это разноформатные листы бумаги, вложенные в конверт (часто самодельный), или почтовые карточки. Тексты написаны чернилами и карандашом. Иногда Е. Э. Бломквист вкладывала в конверты также вырезки из газет, листочки с машинописными объявлениями, программки музыкальных концертов, собственные карандашные зарисовки, засушенные цветы и ветки южных растений. Мы ограничимся этим самым кратким внешним описанием документов, поскольку обработка указанного личного фонда Н. П. Гринковой в настоящее время еще не завершена. В личном фонде Е. Э. Бломквист в ОР РНБ находятся машинописные копии писем к Н. П. Гринковой¹²⁰. Небольшая часть писем была опубликована в приложениях к книге «Герценовская школа русской диалектологии: Н. П. Гринкова и В. И. Чагишева» (СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 275–293).

Публикуемые документы охватывают период с 20 января 1942 года (после выезда Н. П. Гринковой из Ленинграда в эвакуацию) по 30 марта 1945 года. Первую половину 1942 года Е. Э. Бломквист провела в Ленинграде, а 12 июля вместе с академическими институтами выехала по Дороге жизни в Казань, далее в Елабугу, где ленинградцы ждали принятия решения об определении окончательного места размещения эвакуированных институтов Академии наук. В октябре 1942 года начался второй этап переезда — в Ташкент, куда научные сотрудники прибыли 2 ноября 1942 года. Последующие почти 2,5 года Евгения Эдуардовна провела в столице Узбекистана, за исключением времени ее поездки в экспедицию в Каракалпакию, осенью-зимой 1943 года. В мае 1945 года ленинградские этнографы наконец смогли вернуться домой.

Поскольку Е. Э. Бломквист писала своей близкой подруге, то прежде всего сообщала сведения, интересные и важные для адресата: о себе, о сохранности вещей и квартиры, о Педагогическом институте, в котором работала Н. П. Гринкова, о ее сослуживцах, общих знакомых. Много внимания уделяла жизни блокадного города: обеспечению населения продуктами, болезням и смертности, обстрелам, возрож-

¹¹⁷ Зоолог Валентин Александрович Догель — учитель Е. Э. Бломквист — умер в июне 1955 г.: шел по набережной и упал возле Кунсткамеры, его внесли в музей. Сообщено В. А. Колобаевым (запись беседы от 7.10.2011).

¹¹⁸ Научный архив Е. Э. Бломквист хранится в Архиве МАЭ (фонд 10; 134 ед. хр.), семейные и личные документы — в собрании ОР РНБ (фонд 1159). Последний насчитывает 396 ед., из них 290 ед. — переписка. Большая ее часть относится к военному и послевоенному периоду и включает письма друзей, коллег, официальных лиц.

¹¹⁹ Например, письма к М. А. Борисьяк находятся в домашнем архиве И. В. Бодылевской.

¹²⁰ Сверка текстов показала, что машинописные копии содержат много ошибок.

дению города после суровой зимы. Письма-отчеты, которые составляла Евгения Эдуардовна, — это дневник жизни и быта ленинградцев в самые трудные месяцы блокады.

Другой важной темой переписки была служебная деятельность Е. Э. Бломквист, работа Института этнографии и других гуманитарных учреждений Академии наук СССР: о жизни и смерти сотрудников, попытках объединить оставшиеся в городе научные силы и организовать научную работу, о планах подготовки публикаций, о сборах в эвакуацию. Письма из Ташкента — значительные по объему и очень емкие по содержанию — включают разнообразную информацию: бытовые и служебные новости, хозяйственные заботы, взаимоотношения с друзьями, сослуживцами, старые и новые знакомства, сообщения о собственном физическом и психическом состоянии, творческих замыслах, рабочих планах, описания города и природы, сведения о культурной жизни, новинках литературы и проч. Е. Э. Бломквист очерчивает целый круг имен — от рядовых сотрудников научных учреждений до академиков. Участниками описанных событий были Д. А. Греков, С. И. Толстов, В. Ф. Шишмарев, В. В. Струве, М. А. Тиханова, И. А. Орбели, С. И. Руденко, Б. А. Романов, А. И. Андреев и др.

В собственные письма Е. Э. Бломквист часто включала фрагменты из полученной ею корреспонденции о жизни друзей и коллег, ученых-гуманитариев, сотрудников различных учреждений, оставшихся в Ленинграде или оказавшихся в разных городах страны, — О. И. Вер из подмосковного Раменска, М. А. Борисьяк из Фрунзе, С. И. и Н. М. Руденко из Елабуги, Е. Н. Студенецкой из Новосибирска и др. Благодаря этим вставкам письма приобретают полифонизм, становятся не монологом, а полилогом представителей советской интеллигенции 1940-х годов.

Рассказы Е. Э. Бломквист отражают течение научной жизни на разных уровнях: упоминаются крупные форумы — первая в условиях военного времени свердловская сессия АН в 1942 году, конференции с участием академических институтов в Москве, Ташкенте и др.; подробно освещается текущая работа гуманитариев — научные заседания, происходившие в Ташкенте; защита диссертаций; подробно описана подготовка самой Е. Э. Бломквист к экспедиции в Каракалпакию, изучение ею узбекского языка, сборы в дорогу и поездка к месту работы.

Много внимания уделено автором и принципиальным вопросам организации российской науки. В военные годы продолжалась реализация проекта перевода академического центра и главных научных кадров из Ленинграда в Москву. В 1942–1944 годах в столице были организованы Институт этнографии и Институт русского языка АН СССР, Московское отделение ИИМК получило статус главного археологического учреждения страны; рассматривались планы перевода туда же Института востоковедения, Библиотеки АН. Отголоски обсуждений этих событий звучат на страницах публикуемых документов. Особый интерес представляет собственный проект Е. Э. Бломквист о создании Института русской культуры, ее аргументы необходимости такого научного центра, черновые наброски его структуры и программы деятельности.

Написанные живо, образно, изобилующие деталями и характеристиками письма зафиксировали и официальную и закулисную стороны жизни «академического муравейника», содержат яркие портреты сотрудников.

В письмах Е. Э. Бломквист большой объем фактического материала. Повседневные события и бытовые мелочи, которыми они насыщены, позволяют заполнить многие «белые пятна» в истории науки, в биографиях научных сотрудников различных учреждений, лучше прочувствовать дух эпохи, узнать настроения и мысли участников описываемых событий. Публикация новых, ранее неизвестных и неиспользованных архивных документов расширит круг исторических источников, сделает их доступными для широкого круга исследователей.

В зеркале писем отражается и сам автор, его душевные качества — доброта, бескорыстие, неистощимый оптимизм, склонность к юмору, скромность, трудолюбие и профессионализм. Евгения Эдуардовна обращалась к близкому человеку, которому сама безгранично доверяла и в дружеском расположении которого к себе была также уверена, с которым могла обсудить интимные женские вопросы гигиены и туалетов, собственного эмоционального состояния. И тем не менее даже для столь доверительной «беседы» у нее существовали «границы дозволенного». Г. А. Генко, находившаяся в ташкентский период в ее ближайшем окружении, заметила: «Евгения Эдуардовна была человеком деликатным и бесконфликтным, что побуждало ее обходить молчанием в чем-то сомнительные с ее точки зрения ситуации... Описывая “товарищеский чай” с приехавшим в Ташкент новым директором ИЭ С. П. Толстовым (30.04.43), она не упоминает о всех потрясшем пьяном дебоше, учиненном Толстовым» (из рассказа Г. А. Генко от 10.10.2012 г.).

Подробные сообщения или краткие ремарки в письмах порой помогают уточнить детали событий, факты биографий ученых, позволяют узнать, как сами события оценивались их участниками и современниками. Читатель получит представление о жизни не только академических учреждений, но и о военных буднях блокадного Эрмитажа, Дома ученых, Государственного этнографического музея, Педагогического института им. А. И. Герцена, ленинградских учреждений в условиях эвакуации.

* * *

Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова нумеровали свою входящую и исходящую почту, и это позволяет определить, какая часть их эпистолярного наследия сохранилась, а какая утрачена. За 3,5 года разлуки с Н. П. Гринковой Евгения Эдуардовна написала ей более двухсот писем. Однако реальное количество сохранившихся и публикуемых посланий — 139. Отсутствие остальных можно объяснить тем, что не все письма доходили до адресата, какие-то могли быть переданы получателем третьим лицам и не возвращены (в ответных письмах Н. П. Гринкова часто упоминала, что письма ходят по рукам, их с интересом читают ее коллеги-герценовцы). Так, ленинградские письма имеют номера с 3 по 67. После отъезда в эвакуацию Е. Э. Бломквист снова начинает счет с единицы. По этому поводу она заметила: «...во-первых, начинается новая эра скитальнической жизни, а во-вторых, для Ленинграда должна быть вообще особая нумерация...»¹²¹ До возвращения в Ленинград ею были написаны еще более полутора сотен писем — последнее из публикуемых в настоящем издании имеет № 158¹²².

Несмотря на то, что при публикации сохранены интимные обращения к подруге¹²³ (родная моя, любимая, пупс, пупсеныш, милая моя девочка и проч.), некоторые семейные и хозяйственно-бытовые сообщения, письма Е. Э. Бломквист имеют не только личный, биографический характер — они представляют значительный инте-

¹²¹ См. в настоящем издании письмо от 26.07.1942.

¹²² Ответные письма Н. П. Гринковой входят в собрание ОР РНБ (Ф. 1159. Д. 105–109). В них содержатся описания эвакуации и работы в новых местах сотрудников ЛГПИ им. А. И. Герцена, возвращения их в Ленинград в 1944 г. Поскольку настоящее издание ориентировано на расширение источниковой базы прежде всего истории Академии наук и ее учреждений, то письма Н. П. Гринковой цитируются выборочно и лишь в тех случаях, когда имеют непосредственное отношение к вопросам, затронутым в письмах Е. Э. Бломквист.

¹²³ О. И. Вер писала, что Н. П. Гринкова «целиком получила в свое распоряжение тот неистощимый запас любви, который остался у Жени после смерти Карла Ивановича и Юры. Для Жени Надежда Павловна стала всем — подругой, любимым ребенком, сестрой...» (ОР РНБ. Ф. 1091 (П. А. Герман). Д. 181. Л. 86об.).

рес для истории отечественной этнографии и вообще академической науки в военные и последующие годы.

При воспроизведении писем за основу взят рукописный оригинал. Сохранена авторская нумерация писем. Тексты передаются с незначительными купюрами, с сохранением стилистики автора. Согласно существующим правилам издания исторических документов¹²⁴, текст писем публикуется в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. При подготовке текстов к изданию была произведена унификация обозначения места и времени создания документа (все данные помещены непосредственно перед текстом письма). В постраничных сносках приводятся перевод иноязычных слов и выражений, авторские примечания (отмечены словами: «*примеч. Е. Э. Бломквист*») и примечания публикатора. Пропущенные автором, но необходимые для понимания смысла текста слова или части слов заключены в угловые скобки. При отсутствии в документе точных данных приводятся восстановленные данные, которые заключены в квадратные скобки. Авторское подчеркивание слов сохранено и специально не оговаривается. Пометки публикатора, отмечающие особенности документа, даются непосредственно в тексте в скобках и выделены курсивом, например: «(*продолжение письма отсутствует*)». Содержательный комментарий помещен после всего корпуса документов.

Издание снабжено именованным указателем, кратким справочником по упоминаемым учреждениям и списком принятых сокращений. Для подготовки справочного аппарата были использованы архивные документы Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Института истории материальной культуры РАН, Института восточных рукописей РАН, Института лингвистических исследований РАН, Русского музея, Российского этнографического музея, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Российского института истории искусств, Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Кормакова, Российского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

Иллюстративный материал представлен на трех вклейках: 1-й блок — биографический, составляют фотографии Е. Э. Бломквист в разные периоды ее жизни; 2-й блок (ленинградский) и 3-й блок (ташкентский) включают фотографии, до некоторой степени относящиеся к событиям, о которых упоминается в публикуемых письмах. В списке иллюстраций указаны правообладатели публикуемых изображений (документов) и ссылки на архивные собрания.

Всем, кто помогал в работе над подготовкой настоящего издания, хочу выразить искреннюю признательность. Считаю своим долгом особо поблагодарить консультантов — Владимира Александровича Колобаева, Галину Анатольевну Генко, Иоанну Витальевну Бодылевскую, без рассказов которых комментарии к публикации были бы менее содержательны.

Е. Н. Груздева

¹²⁴ Правила издания исторических документов в СССР. М., 1990.